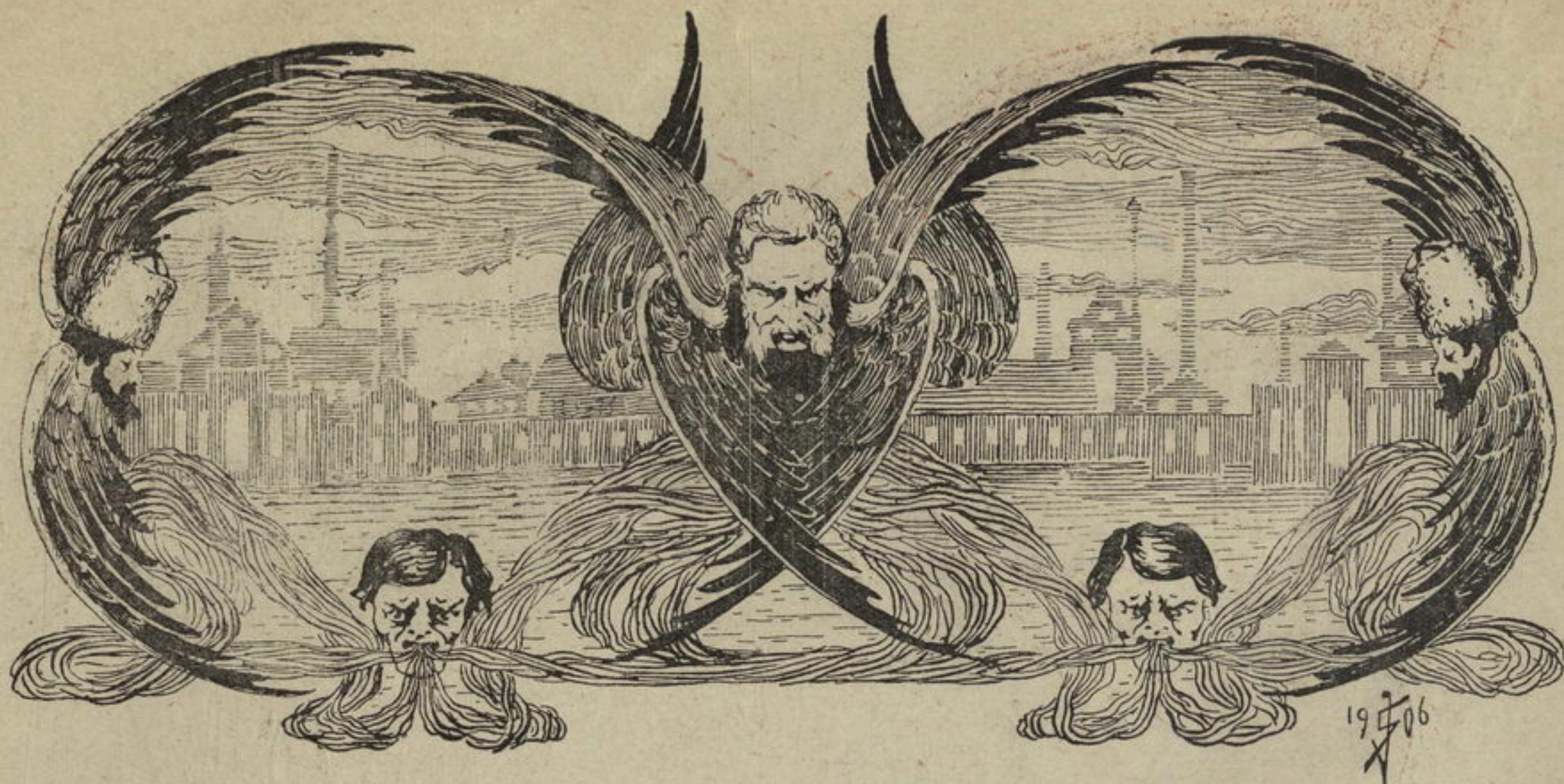

Жертвоприношение богу Ваалу. (I Кн. Царей 16, 31).

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ современныхъ пѣсень не-Беранже).

Зловѣщій гулъ и шумъ борьбы кровавой
Со всѣхъ сторонъ доносится до насъ;
Потрясены жестокою расправой
Москва, Одесса, Кіевъ и Кавказъ...
Друзья мои, товарищи и братья!
Забудемъ разнь,—мы вѣримъ всё въ одно,
Намъ слышны стоны, вопли и проклятья,
Хоть пьемъ мы здѣсь веселое вино!..
Лжетъ, кто сказалъ: „Одинъ—не воинъ въ полѣ!“

Отъ каждого отъ лишняго бойца
Войска растутъ... Кто гибнетъ въ битвѣ воли,
Достойнъ лавровъ вѣчнаго вѣнца!
Борьба кипитъ... Не побѣдитъ Орловымъ,
Дубасовымъ и Минамъ тѣхъ, кто правъ,
Кто борется не пулями, такъ словомъ,
За честь страны, за мощь народныхъ правъ!..
Полнѣй стаканы! Прочь невзгоды!..
Межъ нами трезвыхъ трусовъ нѣтъ!..
До дна—за всѣхъ борцовъ Свободы,
За всѣхъ несущихъ въ жизнь намъ свѣтъ!..
Реакція грозитъ намъ не на шутку,
Что новый день—ряды ея растутъ,—

Женздохныя ховеллы Боккачю.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

О чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, основанномъ padre Джованни.

..Королева и всѣ придворные были весьма довольны энергичнымъ возгласомъ тѣни Scobelio.

— Такъ ему и надо, этому бездарному полководцу Fasanio! — воскликнула королева. Кому сегодня развлекать насъ?

— Мнѣ, ваше величество. Я расскажу вамъ сегодня о чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, который основалъ достопочтенный падре Джованни.

Лишь только имя padre Джованни было произнесено, какъ всѣ дамы, съ лукаво-стыдливой улыбкой, потупили свои глазки, а кавалеры весело поглядѣли на свои шляпы и на то мѣсто, гдѣ кончается ихъ жилетъ и начинаются ноги.

— Слушайте. Последнее чудо со шляпой окончательно укрѣпило благочестиваго падре Джованни въ сознаніи, что всю свою чудотворно-чудодѣйственную силу онъ долженъ посвятить пользѣ женщинъ, женской благодати.

Онъ еще съ большимъ рвеніемъ сталъ развѣзжать по Пизѣ, въ сопровожденіи двухъ женщинъ, и съ еще большей любезностью относиться къ синьорѣ Porfur'ii, которую возвелъ въ санъ Sant'ы Mari'i.

Наконецъ, онъ рѣшилъ основать женскій монастырь и далъ благословеніе на то, чтобы всѣ женщины, вѣрящія въ его чудеса, назывались „джованистками“ *).

И вотъ, на тѣ деньги, которыя стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, деньги, за которыя Джованни и его секретари, подобно папѣ, давали индульгенціи (отпущеніе

грѣховъ), на берегу грязнаго канала *) въ городѣ Св. Петра выросъ красивый женскій монастырь.

Такъ какъ въ постройкѣ его не принималъ участіе ни одинъ изъ принцпе, то сооруженъ этотъ „храмъ“ былъ весьма быстро, на вящую радость богатыхъ жителей города Св. Петра, которымъ надоѣли ужъ всѣ старыя, прежнія богоугодныя заведенія, гдѣ они изливали свои накопившіяся чувства...

Уставъ этого замѣчательнаго монастыря ордена „джованистокъ“ былъ, по истинѣ, высоко мудръ и строго опредѣленъ; совершенно въ духѣ благочестиваго падре Джованни

Сущность его заключалась въ томъ, что „праведницамъ“ нечего удалаться отъ міра, ибо міръ въ нихъ нуждается... Спасенія за святыми монастырскими воротами могутъ искать лишь всѣ погибшія созданія, всѣ тѣ, у кого желаніе любовныхъ утѣхъ превышаетъ ихъ совѣсти и женской гордости и чести“.

— Тамъ вы найдете желаемое, т. е. успокоеніе своимъ женскимъ страстямъ! — скромно заявилъ достопочтенный падре Джованни.—Если-же вы, собственными средствами, не съумѣете успокоиться, то на помощь къ вамъ приду я.

Всѣ возликовали. Послѣ поразительнаго чуда со шляпой, всѣ женщины увѣровали окончательно въ силу и мощь благочестиваго Джованни.

Скоро слава о самомъ благочестивомъ монастырѣ „джованистокъ“ широко разнеслась по всему граду Св. Петра.

Всѣ заблудшіяся женщины стремились попасть туда, всѣ гетэры града Св. Петра только и мечтали, какъ-бы имъ примкнуть къ ордену джованистокъ. Были среди нихъ красивыя женщины, величавшія себя Магдалинами, хвастающіяся, что онѣ грѣшили съ помощниками минист-

*) Такъ какъ Джованни соответствуетъ русскому Іоанну, то и джованистки могутъ быть названы: „іоаннистками“.

*) Въ городѣ Св. Петра есть нѣсколько каналовъ, ну, на примѣръ, нѣчто вродѣ Пряжки..

Наперекоръ и сердцу, и разсудку
Гнетётъ она и мысль, и вольный трудъ.
Давя порывъ могучаго протеста,
Бя жрецы кричатъ: „Назадъ, назадъ!
Хватай, лови“! Нѣтъ въ тюрьмахъ больше мѣста..
Но подожди смѣяться, ретроградъ!..
Недаромъ есть пословица: „смѣется
Тотъ хорошо, чей смѣхъ послѣднимъ былъ.“
Тебѣ твой смѣхъ слезами отольется..
Разумнѣй будь, сдержи свой рыаный пылъ!
Не подавить ни треповскимъ патронамъ,
Ни обыскамъ, ни арестамъ того,
Что вызвано всего народа стономъ
И кровью тѣхъ, кто гибнетъ за него...

Полнѣй стаканы! Жизнь природы—
И то—впередъ идетъ всегда..
Пьемъ—за апостоловъ Свободы,
За вольныхъ ратниковъ труда!..

Я былъ всегда пѣвцомъ страны родимой,
Я воспѣвалъ богатырей родныхъ..
Родной народъ! Ты—мой герой любимый!..
Богатыри?.. Готовъ воспѣть я ихъ;
Но гдѣ они?! Не тѣ-ль, что отступали
Средь чуждыхъ намъ Маньчжуріи полей?
Не тѣ-ль, что флотъ топили и сдавали,
Позоря знамя родины своей?
Быть можетъ, тѣ—кто съ дерзостью слѣпою
Стрѣлялъ въ дѣтей и женщинъ, какъ въ мишень,
За то, что тѣ съ ликующей толпою
Шли, празднуя свободы первый день?..
Стихъ никогда мой не былъ фарисейскимъ,
Открыто шелъ онъ къ другу и къ врагу;
Опричникамъ, ворахъ и полицейскимъ
Хвалебныхъ одъ слагать я не могу!..

Полнѣй стаканы! Прочь всѣ оды!..
Идутъ на смѣну дни ночамъ..
Пою и пью я—въ честь свободы,
На страхъ—свободы палачамъ!..

Преступны тѣ, кто—слабыхъ угнетая—
Чины за то хватаютъ, ордена,—

Преступнѣй тотъ, кто—рабство прославляя—
Всѣхъ сталъ-бы звать отъ жизни къ царству сна!
Преступны тѣ, кто предлагаетъ камень
Голодному, а хлѣбъ себѣ беретъ;
Преступнѣй вдвое—кто погаситъ пламень,
Ведущій къ свѣту темный нашъ народъ!..
Измѣнники народа, казнокрады,
Поклонники нагайки и штыка,
Потомство васъ осудитъ безъ пощады,
Земля могилъ вамъ будетъ не легка;
Исторія—судья неліцемерный—
Произнесетъ надъ вами приговоръ,—
Онъ будетъ кратокъ: „Стыдъ вамъ безпримѣрный!
Позоръ вамъ, несмываемый позоръ“!..

Полнѣй стаканы!.. Всѣ народы
Презрѣннемъ чествуютъ рабовъ..
Пьемъ за расцвѣтъ родной Свободы,
За гибель тюремъ и оковъ!

Но, кажется, я впалъ въ тонъ Ювенала?
Опасный тонъ—по нашимъ временамъ!..
Полиція-бы насъ не услышала,—
Вѣдь довѣрять нельзя здѣсь и стѣнамъ:
Ой-ой, тонки порой онѣ бываютъ!..
Подслушаютъ, запишутъ всё, войдутъ,
На мѣстѣ преступленія поймутъ
И—за Неву въ каретахъ повезутъ..
Не бойтесь! Нѣтъ.. Я подшутилъ надъ вами,—
Нѣтъ мѣста въ тюрьмахъ... Гдѣ-жъ набраться имъ?..
Войдутъ сюда,—съестъ пригласимъ ихъ съ нами
И дѣбьяна ихъ всѣхъ перепоимъ..
Пусть входятъ, пусть!.. Свободою собраній
Насъ подарилъ октябрь: разрѣшено
Тамъ избирать мѣста для засѣданій,
Гдѣ продаютъ казенное вино...

Полнѣй стаканы!.. Прочь невзгоды!..
Для вольной пѣсни—нѣтъ цѣпей..
Проклятье всѣмъ врагамъ Свободы,
Иудамъ родины своей!..

Евстигней Нагайкинъ.

ровъ, избиравшія себѣ въ утѣху мужчинъ, которыхъ называли божественными именами и изображеніе которыхъ носили на брошахъ.

Каждый день приносилъ извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ чудѣ въ монастырѣ padre Джованни.

То, вдругъ, проносилось извѣстіе, что въ монастырѣ собственной своей персоной объявился съ того свѣта Св. Керулярій, то—открытіе, будто ночью, къ воротамъ монастыря подѣхала кучка синьоровъ, изъявившихъ желаніе покаяться въ кельяхъ благочестивыхъ джованнистокъ и въ трудѣ до пота лица проработать подъ крышей душе-спасительнаго учрежденія padre Джованни.

Самъ padre Джованни довольно часто навѣщалъ своихъ благочестивыхъ дѣвъ. Сопутствуемый двумя женщинами, онъ обходилъ келіи монашенокъ, спрашивая ихъ съ отеческой нѣжностью:

— Стараются, святые синьорины?

— Стараемся...—скромно отвѣтствовали тѣ.

Къ этому времени относится чудо, которое могло случиться съ самимъ padre Джованни и которое не случилось. Вы нѣсколько удивлены, дамы и кавалеры? Слушайте. Говорятъ, одинъ важный сановникъ по имени Victorio Ferens *) призвалъ къ себѣ въ стѣнахъ монастыря padre Джованни и сказалъ ему:

— Вы знаете меня хорошо, padre Джованни. Вы знаете, съ какимъ стараніемъ я насаждаю благочестіе въ народѣ. Теперь этотъ глупый народъ что-то перестаетъ вѣрить въ чудеса монаховъ и иныхъ благочестивыхъ людей. Чтобы укрѣпить его въ стойкости вѣры и тѣмъ самымъ отвлечь его отъ участія въ политическихъ смутахъ, раздирающихъ страну, требуется событіе, чудо особенной важности.

— Но, ваша свѣтская эминенція, я, кажется, стараюсь... Мое послѣднее чудо со шляпой...

Важный сановникъ улыбнулся.

— Ну, знаете, padre Джованни, это чудо вышло нѣсколько... скромнымъ... Я, признаться, ожидаю отъ васъ иной услуги.

— Приказывайте...—покорно отвѣтилъ Джованни.

— Умрите, padre Джованни!

— К...к...какъ?!—въ сильнѣйшемъ недоумѣніи и ужасѣ воскликнулъ благочестивый padre.

Холодный потъ ужаса прошибъ Джованни

— Да, да, дорогой мой, именно умрите, — невозможно продолжалъ сановникъ.

— Но... но для чего-же... зачѣмъ?—лепеталъ Джованни.

— Я вамъ объясню. Когда вы умрете, то я ровно черезъ годъ объявлю всенародное торжество: открытіе вашихъ мощей. Это событіе отвлечетъ народъ отъ политическихъ глупостей... вы понимаете?..

— Но, ваша свѣтская эминенція... я очень польщенъ такимъ великодушнымъ вниманіемъ къ моей скромной особѣ, но я долженъ замѣтить, что открытіе мощей полагается черезъ сто лѣтъ!

— Э! махнулъ рукою сановникъ, — бываютъ времена, когда мы можемъ часъ считать за мѣсяцъ.

— Но есть еще одна помѣха... — скромно продолжалъ Джованни — Чтобы умереть—надо умереть.

— Гм... вы правы... — въ раздумьи проронилъ сановникъ. — Жаль, очень жаль, что васъ нельзя ни повѣсить, ни разстрѣлять... Что дѣлать...

Огорченный сановникъ удалился отъ дѣлъ, а среди джованнистовъ и джованнистокъ настало ликованіе. Когда они узнали, какой смертельной опасности подвергся ихъ благочестивый учитель и какъ счастливо случайно онъ избѣгъ ея — сердца ихъ умилились и три дня подрядъ въ монастырѣ происходили чудеса, одно другого замѣчательнѣе. О нихъ я сейчасъ расскажу вамъ, дамы и кавалеры...

(Продолженіе слѣдуетъ)

*) Victorio Ferens — по русски — побѣдо-носецъ.

КУМАЧЪ

(сказка).

Утромъ только разсвѣло,
Всполошилось все село,
Взволновались мужички,
Мужички—не дурачки;
Судятъ эдакъ, судятъ такъ,
Лишь молчитъ Иванъ-дуракъ...
Вотъ напасти! Вотъ бѣда!
Мы не ждали никогда
Изъ столицы чтобы къ намъ
Ревизоръ былъ присланъ самъ!
Долетѣла, вишь ты, вѣсть—
Крамола межъ нами есть,
Онъ прѣхалъ разобрать
И крамольниковъ забрать!
Въ удивленьи старички,
Мужички—не дурачки
Тужать, плачутъ надъ бѣдой
И качаютъ бородой...

Въ полдень въ хату на поклонъ
Все село сзываетъ онъ:
Непреклоненъ и могучъ
И грозитъ черныхъ тучъ...
Коль я вамъ не по нутру,
Все село съ земли сотру,
Мнѣ дана такая власть—
Удалось бы лишь напасть,
Кто по вашему селу
Смѣетъ съять крамолу...
Объявлю на первый разъ
Нижеписанный указъ:
На кроваво-красный цвѣтъ
Налагается запретъ:
И рубахи, и штаны—
Всѣ должны быть мнѣ сданы,—
Если-жъ красное сыщу,
То найду, не спущу!

Почесались мужички.
Молодежь и старички;
Бабы воютъ—крикъ и плачь:
Ихъ любимый цвѣтъ кумачъ...
Манифестъ намъ словно данъ!
Промычалъ дуракъ-Иванъ...

Это что-же? Бунтъ? Протестъ?
Я задамъ вамъ манифестъ!
Всю крамольную страну
Въ три погибели согну!
Размышленію для васъ
Дамъ всего я только часъ!

Испугались мужички,
Мужички—не дурачки:
Кто несетъ ему кафтанъ,
Кто рубаху, сарафанъ,
Кто кумачевый платокъ,
Нитокъ красныхъ кто мотокъ,
А испуганный дуракъ
Притащилъ ему пятакъ.

Въ воскресенье нашъ Иванъ,
Словно взялъ его дурманъ,
Нарядился въ красный цвѣтъ:
Дуракамъ запрета нѣтъ.
Ванькѣ дали тумака
И связали дурака;
Притащили на допросъ,
Задаютъ ему вопросъ:
Моль, сознательно иль нѣтъ
Онъ одѣлся въ красный цвѣтъ.
—„Ваше-ство, исправлюсь я,
„Отпустите лишь меня!
Ванькѣ дали тумака,
Отпустили дурака...

Въ воскресенье нашъ Иванъ
Кумачевый сшилъ кафтанъ
(На дворѣ стоялъ морозъ),
На кумачъ нашилъ полосъ
Синихъ, бѣлыхъ поперекъ
Симметрично, какъ лишь могъ...

Засмѣялись мужички,
Мужички—не дурачки...
—„Говорилъ, исправлюсь я!
„Ну, теперь возьми меня!
„Самъ ищу я по селу,
„Кто посѣялъ крамолу!“

* * *

Ревизоръ подумалъ: „Тутъ
„Безъ меня ее найдутъ:
„Все народъ въ селѣ прямой,—
„Лучше ѣхать мнѣ домой,
„Предъ начальствомъ дать отвѣтъ,
„Какъ страну я спасъ отъ бѣды!“
И, усѣвшись въ тарантасъ,
Онъ уѣхалъ въ тотъ же часъ...

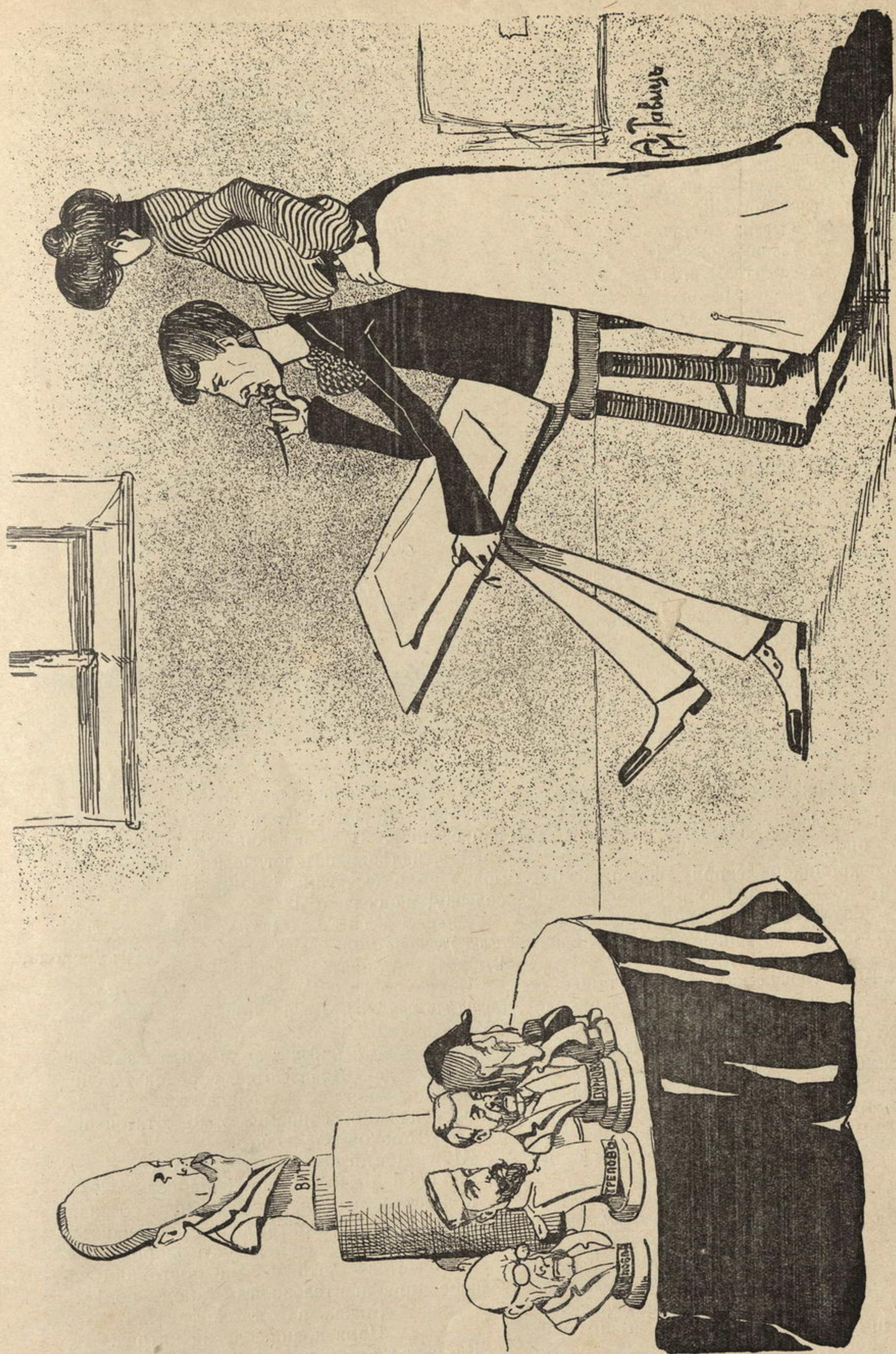

Не доѣхалъ онъ туда,—
Приключилась бѣда:
На него свалился дубъ,
Превративъ въ холодный трупъ...

Услыхали мужички,
Горевали старички:
—„Былъ правдивый человекъ!
„Не забыть его во вѣкъ!“

В. Трофимовъ.

ЖЕНА ХУДОЖНИКА (МУЖУ). Неужели тебѣ еще не надобно рисовать эти фигурки?..

РЫЦАРЬ НАШИХ ДНЕЙ.

(Ода-баллада).

Ротмистръ фонъ-Сиверсъ! Тебя я пою,—
 Славы ты Мина достоинъ;
 Ты показалъ въ Прибалтійскомъ краю,
 Что ты за доблестный воинъ!..
 Взявши въ примѣръ голутвинскій разстрѣлъ,
 Словно на дикихъ японцевъ,
 Вмѣстѣ съ отрядомъ своимъ полетѣлъ
 Ты на смиренныхъ эстонцевъ *).
 Черновскій, Феллинскій взялъ ты уѣздъ,
 Юрьевскій и Везенбергскій,—
 Лихо себѣ зарабатывалъ крестъ
 Въ битвѣ съ «крамолою дерзкой».
 Сѣла-деревни ты самъ поджигалъ,
 Въ дымѣ веселыхъ пожаровъ.
 Каждому жителю ты разсыпалъ
 По сту, по двѣсти ударовъ.
 Розги и пули свистали, когда—
 Вѣренъ великому дѣлу—
 Ты присуждалъ безъ допроса-суда
 Цѣлыя семьи къ разстрѣлу:
 Женщины, дѣти,— разстрѣливалъ всѣхъ
 (Кажется, даже и вѣшалъ!);
 Славной побѣды блестящій успѣхъ
 Душу геройскую тѣшилъ..
 Кончилъ фонъ-Сиверсъ свой смѣлый наѣздъ,
 Край умирилъ изувѣрскій,—
 Юрьевскій, Феллинскій взялъ онъ уѣздъ,
 Черновскій и Везенбергскій.
 Поняли всѣ въ Прибалтійскомъ краю,
 Что онъ за доблестный воинъ..
 Рыцарь фонъ-Сиверсъ! Тебя я пою..
 Ты—славы Мина достоинъ!..

Фебуфисъ.

*) См. телеграмму изъ Юрьева въ 359 № „Слова“.

Первое засѣданіе Государственной Думы.

(Экстренный отчетъ хроникера).

(Продолженіе, см. № 1 «Заноза»).

Отвѣтъ хроникера своему французскому коллегѣ, что дебатировался вопросъ, куда лучше отправить депутатовъ послѣ засѣданія—въ участокъ или предварилку, нисколько не удивилъ того.

— Oh-là-là! — воскликнулъ корреспондентъ „Figaro“.—Я всегда доказывалъ, что ваша удивительная страна, le pays le plus remarquable du monde, создастъ нѣчто поразительное на почвѣ незыблیمыхъ началъ полной гражданской свободы. Вы, русскіе, confrères, перещеголяли всю конституціонную Европу: тамъ депутаты дерутся въ самомъ засѣданіи, а у васъ депутатовъ дерутъ въ полиціи. Vive la Russie!

Хроникеръ (уже успѣвшій позавтракать). Миляга! другъ! (затягиваетъ марсельезу). Аллонъ занфанъ де ля патри..

Приставъ Государств. Думы (грудь совсѣмъ ужъ колесомъ, видъ государственной важности). Господа, прекратите безобразіе. Я долженъ предупредить васъ, что пѣніе марсельезы запрещено.

Бочаговъ (икая). Двистительно! (входя въ азартъ). Ахъ, онъ прохвость: марсельезу пѣть?! Такъ стой-же: я тебѣ на эту поганую пѣсню гимнъ устрою! (громовымъ голосомъ). Эй, братцы не выдавай! Кто въ Бога вѣруетъ—затягивай гимнъ!!

Гучковъ. Вѣрно! гимнъ, господа, гимнъ!

БОГАМЪ.

На усталыхъ
 Пьедесталахъ
 Вы еще сидите, боги..
 Но какъ дики
 Ваши лики
 И тревожны, и убоги.
 Въ сумракъ храма
 Олимпіа
 Дымъ еще порою льется,
 И лѣниво,
 Сиротливо
 Пламень жертвенника вѣется.
 Но, какъ птицы,
 Вереницы
 Черныхъ думъ надъ вами тихо
 Собралися
 И впилися
 Въ грудь трепещущую лихо.
 И часами
 Предъ глазами
 Поднимаются картины:
 Вихрь летучій
 Храмъ могучій
 Обращаетъ весь въ руины.
 Рухнетъ камень,
 Гаснетъ пламень,
 Разлетается безслѣдно,
 И ликуетъ,
 Торжествуетъ
 Буря грозная побѣдно.
 И забыты,
 Мглою покрыты
 Средь обломковъ ваши трупы,
 Лишь порою
 Предъ зарею
 Вдругъ заплачетъ воронъ глупый.
 И вичъ.

Въ залѣ Таврическаго дворца подымается нѣчто неописуемое. Крикъ, гамъ, свистъ, топанье ногъ. Всѣ вскакиваютъ. Направо—трансъ, налево—паталогическій аффектъ. Направо кричатъ: „гимнъ! гимнъ!“ налево: „марсельезу! марсельезу!“

Предсѣдатель (въ ужасѣ хватаясь за голову, звонитъ что есть силы). Господа, господа!! Вы хотите сорвать засѣданіе...

Приставъ Государств. Думы (отдастъ приказъ). Вводи попарно, повзводно, поэскадронно... Тыфу! все перепуталъ! Эй, городовыхъ сюда! (судорожно хватается за звѣзду Льва и Солнца). Появляются городовые. Они, загадочно суровые, выстраиваются въ рядъ. За ихъ дюжими спинами юрко ютятся нѣсколько гороховыхъ пальто.

Шумъ достигаетъ своего апогея.

Общій ревъ. Гимнъ!! Марсельезу!!

Моментъ,—и дикіе, ужасные звуки смѣшанныхъ мелодій („политическій диссонансъ“) оглашаютъ стѣны Таврическаго дворца.

Получается нѣчто весьма достопримѣчательное, приблизительно въ этакоемъ родѣ:

Боже... аллонъ занфанъ...

Царя храни... де ля патри...

Бочаговъ (ужъ не икая, а голая отъ восторга). Эй-Богу, точь въ точь, какъ въ одномъ изъ моихъ трактировъ. Двистительно!

Скальковскій. Mes enfants, mes enfants...

Приставъ Государств. Думы. (укоризненно). Какъ, ваше превосходительство? и вы—марсельезу?!!

Скальковскій (кричитъ фистулой про-

Брызги и занозы.

III.

Во всемъ онъ видитъ преступленья,
 Дебизъ его: „Долой законъ!
 Усилить мѣры пресѣченья!..“
 Достойный жрецъ демиды онъ...
 Его агенты—прокуроры—
 Подъ-стать патрону своему
 Рычатъ, кругомъ вращая взоры:
 «Подъ стражу взяты! Въ тюрьму, въ тюрьму!..»
 Спасется Русь—тюрьмой хранима,—
 Боготворитъ Якимовъ тьму;
 Жо... про толстовскаго Якима
 Желшше вспомнить бы ему!..
 Министромъ не былъ тотъ, законовъ
 Родкой страхи не извращалъ;
 Жо голосъ многихъ миллионовъ
 Онъ отъ него бы услышалъ, —
 Когда къ министру безъ доклада,
 Какъ самый близкій изъ коллегъ,
 Вошелъ-бы тотъ, сказать: «Же вѣкъ
 Жадъ Русью будутъ дни разлада!
 Плохая ждетъ тебя казгада...
 „Жае...по совѣсти бы кадо,
 По божьи, милый человекъ!...“

Внукъ своего дѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ)

зительныйтимъ образомъ). Mes enfants, ради Бога успокойтесь... зачѣмъ гимны, зачѣмъ марсельезы?.. Послушайте меня... я, знавшій сто сорокъ три министра и всегда доказывавшій *), что ничего глупѣе русскихъ министровъ не можетъ быть на свѣтѣ, я предлагаю лучше спѣть самую невинную пѣсенку—шансонетку.

Общій ревъ: „Къ черту шансонетку! Гимнъ! Марсельезу! Дубинушку! Нагаечку!“

Скальковскій (визжитъ). Да вы послушайте... ah, saparlotte, о это варвары! (Подымаетъ слегка свои панталоны жестомъ балерины, оправляющей свои юбочки, начинаетъ канканировать и визжать—напивать голосомъ балетно-нефтяного тайнаго совѣтника).

Мой милый другъ, Коко,
 Тебя я обожаю...
 Я пью всегда Клико
 Когда съ тобой бываю...

Послѣ этой выходки, чисто провокаторской, балетно-нефтянаго депутата шумъ и волненіе мало-по-малу утихаютъ.

Приставъ (городовымъ). По-взводно, по-эскадронно... тѣфу! опять сбился! ну?! вонъ!!

Городовые въ полномъ порядкѣ покидаютъ залъ засѣданія російскаго парламента.

Предсѣдатель. Господа, приступимъ! На очереди вопросъ—объ амнистіи и законѣ о политическихъ преступникахъ. Фискально полицейскій билль.

Приставъ настораживается...

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Смотри „Новое Время“.

Интервью съ министрами.

Для пополненія портфеля редакціи „Занозы“ занозами я предпринялъ довольно рискованную въ смыслѣ достиженія цѣли и для неприкосновенности личности опасную экскурсію по министерскимъ кабинетамъ. Смѣлому все удастся—и я не только вернулся въ редакцію цѣль и невредимъ, но даже привезъ богатую коллекцію занозъ. По тщательномъ ознакомленіи съ ними, редакція съ благодарностью возвращаетъ ихъ обратно тѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, которые представили столь любезно въ наше распоряженіе эти занозы.

Доплывъ по Фонтанкѣ до министерства всякихъ дѣлъ, я бросилъ якорь. Высадка тутъ оказалась весьма затруднительной, но въ концѣ концовъ состоялась довольно благополучно при помощи лопмановъ, носящихъ почему-то полицейско-жандармскую форму. Я остановился въ кабинетѣ министра.

— Ваше высокопревосходительство, какая, главнымъ образомъ, забота руководить вами, какъ полномочнымъ министромъ, въ настоящее время?

— Ага, какъ полномочнымъ министромъ „въ настоящее время“—понимаю! Это значитъ, вы совершенно игнорируете мою прошлую дѣятельность. Напрасно! Она очень плодотворна и важна. Даже прежде боялись моего вліянія и приказали убрать меня въ 24 часа. Или стоило мнѣ заговорить съ глупѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ дворянъ Стаховичемъ о такомъ, извините за выраженіе, скотскомъ продуктѣ, какъ овесъ—и вся Россія, нѣтъ вся Европа заговорила объ овсѣ. Вотъ каково мое вниманіе! Но Аллахъ съ вами. Вы интересуетесь мной только какъ полномочнымъ министромъ. Какая руководить мной въ настоящее время забота? Одна, скажу вамъ, одна забота. Это о тюрьмахъ. За послѣдній годъ обывателей нашего обширнаго отечества обуяло какое то неслыханное безуміе—лѣзутъ въ петли, лѣзутъ подъ жерла пушекъ и пулеметовъ и гибнутъ тысячами. А потому я всѣхъ лучшихъ обывателей прячу въ тюрьмы, чтобъ сохранить имъ жизнь. Повѣрьте, что за послѣдніе два только мѣсяца я такимъ образомъ спасъ десятки тысячъ обывателей. Не обращаю вниманія ни на рангъ, ни на общественное положеніе обывателя—если только онъ не глупъ сажая его въ тюрьму для его безопасности. Профессора, телеграфисты, желѣзнодорожные служащіе, крестьяне, литераторы,—о всѣхъ я забочусь. Вѣдь отечество въ нихъ нуждается. Ну, а что касается остального безумнаго народа, такъ пускай его гибнетъ. Отъ его гибели отечеству бѣды не будетъ. Наоборотъ, тише заживемъ.

Но такъ какъ мнѣ хочется спасти отъ пушечныхъ выстрѣловъ еще нѣсколько сотъ тысячъ обывателей, а тюремъ свободныхъ нѣтъ, то моя главная забота направлена къ тому, чтобъ явились тюрьмы. Строить новыхъ нельзя, а потому мной вырабатывается грандіозный проектъ о передачѣ тюремному вѣдомству всѣхъ зданій высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Надѣюсь, что проектъ мой препятствій ни откуда не встрѣтитъ.

— Вамъ все ясно?..

— Ясно, какъ Божій день, ваше высокопревосходительство.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ильюша.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Агентства „Дмитро Гудзь“.

КИЕВЪ. Мѣстная партія правового порядка привлекаетъ къ ответственности конституціонно-демократическую партію за плагиатъ, выразившійся въ перепечаткѣ программы.

Редакторъ-издатель „Кіевлянина“ г-нъ Пихно категорически утверждаетъ, что не имѣлъ и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія сходить съ ума, въ виду остраго политическаго состоянія Россіи, нуждающейся въ умныхъ людяхъ.

ВАРШАВА. По слухамъ, ген. Скалонъ неодобрительно отзывался о мѣстныхъ крайнихъ партіяхъ.

Бывшій ректоръ университета единогласно постановилъ бойкотировать всѣхъ студентовъ.

ТУЛА. Арестованъ старшій дворникъ Дмитрій Федоровъ, сообщившій въ публичномъ мѣстѣ своей знакомой о непреклонномъ своемъ рѣшеніи выпустить сатирическій журналъ „Заноза“.

ГОМЕЛЬ. Введена конституція. Убытки еще не выяснены Евреи и демократы продолжаютъ скрываться въ погребкахъ.

Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2^{1/2} до 4^{1/2} ч. д.

Наморамма (въ каррикатурахъ) Русско-Японской войны
начнется съ № 3.

==== Слѣдующія новеллы будутъ съ иллюстраціями. =====

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Двѣ новыхъ книги Аполлона Коринфскаго только что вышли изъ печати и поступили во всѣ книжные магазины.

1) ВЪ ЛУЧАХЪ МЕЧТЫ нов. стих. 1898—1905 гг.

I. Въ лучахъ мечты. — II. Думы жизни. — III. На груди природы. — IV. Бывальщины (22 нов. сказ.) — V. Отголоски (на совр. темы). — VI. Славянскіе напѣвы. — VII. Пѣсни Арменіи. — VIII. Изъ иностранн. поэтовъ. Изящно изданный томъ, болѣе 30 печатныхъ листовъ (600 страницъ), отпечатанный на лучшей глазированной бумагѣ большого формата, съ приложеніемъ (на отдѣльномъ листѣ мѣловой бумаги) портрета автора.
Цѣна 2 РУБЛЯ.

2) ПѢСНИ БАУМБАХА. Стихотворенія знаменитаго нѣмецкаго поэта Рудольфа Баумбаха въ переводѣ А. А. Коринфскаго.

I. „Съ проѣзжей дороги“ („Von der Landstrasse“) — II. „Пѣсни странствующаго подмастерья“ („Lieder eines fahrenden Gesellen“) Изящно изданная книга въ 12 печат. листовъ (192 стр.), съ біографіей и двумя портретами и факсимиле Баумбаха († 21 сент. 1905 г.).
Цѣна ОДИНЪ РУБЛЬ.

Обращающіеся въ редакцію „Занозы“ пользуются 10% скидки.

Издатель С. Д. Новиковъ.